

Новое мышление и конфликты XXI столетия

(опыт Перестройки в современном мире)

«Круглый стол» 28 марта 2015 года

М.С.Горбачев, говоря о сути «нового мышления» как феномена политической мысли, возникшего во второй половине 80-х годов, отметил, что под этими словами «тогда понимались в общем-то простые и понятные вещи: отказ от идеологической и всякой иной предвзятости, готовность к пересмотру привычных стереотипов, способность по-новому и более широко взглянуть на изменившийся мир».¹

По единодушному мнению участников «круглого стола», возникновение этого явления и основанной на нем новой политики в международных отношениях стало возможным благодаря определенному набору условий, которое в политической практике встречается довольно редко.

Во-первых, существовала реальная угроза ядерного уничтожения человеческой цивилизации, вновь ставшая актуальной в начале 1980-х годов. Это время иногда еще называют вторым изданием «холодной войны», наступившим после периода разрядки 70-х годов.

Во-вторых, сложилось равноправие субъектов переговорного процесса – Соединенных Штатов Америки и Советского Союза, которые являлись ведущими силами мировой политики. Они не были равноправными партнерами в полном смысле этого слова, в частности по размерам экономического потенциала. Но они были равны в одном, во всяком случае, решающем измерении, в том, что касалось военной мощи, и, главное – ракетно-ядерного потенциала. Если бы этого условия не существовало, то американцы вряд пошли бы на серьезные переговоры с Советским Союзом.

В-третьих, важнейшую роль в переходе к новой политике сыграл субъективный фактор, а именно то, что у руля обеих сверхдержав оказа-

¹ М.С. Горбачев. О Перестройке сегодня //Российская газета, 20 марта 2015 года.

лись политики, искренне ненавидевшие ядерное оружие и хотевшие найти выход из состояния опасной конфронтации – это Михаил Сергеевич Горбачев и Рональд Рейган. Стремление тогдашних лидеров СССР и США было обусловлено их личными моральными качествами.

Необходимо упомянуть еще одно очень важное условие появления «нового мышления». Именно во второй половине 80-х - начале 90-х современный мир стал глобальным, и он начал восприниматься мировыми политическими, деловыми, общественными, интеллектуальными кругами как единое взаимосвязанное целое, многие проблемы которого имеют общий, планетарный характер.

Таким образом, пересечение отмеченных факторов открыло новое окно возможностей для мировой политики. Оно кардинальным образом изменило мир, таким, каким он сложился во второй половине XX столетия. Однако уже в начале нынешнего века стало очевидно, что мир, тем не менее, не стал более безопасным. Более того, он становится и все менее управляемым. Мировая система усложнилась, стала менее предсказуемой. В ней появилось множество новых акторов, в том числе и негосударственных. Некоторые из них, как международные объединения исламских радикалов и фундаменталистов, угрожающих разрушить современную цивилизацию, вообще отвергают диалог в качестве инструмента политики. Сегодняшний мир не так глубоко структурирован, как тот, в котором противостояли друг другу два мощных военно-политических блока, две разные общественно-экономические и политико-идеологические системы, и существовало влиятельное Движение Неприсоединения. Ныне в условиях политической «гомогенизации» мира, под которой следует понимать практически повсеместное утверждение на всей планете капиталистического социального порядка, конфликтность в мире не уменьшается, а большинство государств не приемлет блоковой политики и предпочитает в своей внешнеполитической деятельности придерживаться принципа многовекторности. Все это делает запрос на «новое мышление» опять актуальным. Но

существуют ли реальные условия для его появления, для его «нового издания»?

Нынешний мир, несмотря на существующие в нем противоречивые тенденции, скорее, все-таки следует признать однополярным. США по совокупным показателям своей военной и технологической мощи по-прежнему качественно превосходят все остальные страны, включая и Китай. Но в отличие от 90-х годов, когда доминирование США в мировой политике было абсолютным, сегодня – это мир слабеющей однополярности. США уже не могут трансформировать свою военную мощь в формирование и поддержание выгодного им политического порядка в целых регионах мира, как например, на Ближнем Востоке. К тому же единственная глобальная держава превратилась в хронического должника, увязшего в дефицитах торгового и платежного балансов и дефиците бюджета. Все это также ограничивает возможности США в мировой политике.

На «круглом столе» была высказана идея, что в условиях однополярного мира очень важно, с точки зрения перспектив возвращения «нового мышления», чтобы запрос на него сформировался бы в первую очередь в Вашингтоне. Однако этого как раз и не происходит притом, что нельзя не признать, что администрация Барака Обамы сделала немало для того, чтобы сделать американскую политику более гибкой, в большей мере учитывающей интересы других стран. Но эти сдвиги на сегодняшний день не являются необратимыми. Возвращение к политике односторонних действий видится вполне реальным уже при следующей вашингтонской администрации.

Также следует учесть, что в результате успешного прохождения нынешней кризисной полосы мирового развития США могут увеличить разрыв по отношению к другим странам. Они быстрее всех вышли на траекторию устойчивого экономического роста, лучше остальных осуществляют реиндустриализацию на новой технологической основе. У США есть стратегические проекты – Транс-Атлантический по созданию Зоны свободной

торговли (ЗСТ) с Евросоюзом, Транс-Тихоокеанский (ТТР), нацеленный на создание ЗСТ в Тихоокеанском регионе. Реализация этих проектов также может существенно укрепить позиции США. И в этих условиях вопрос «а нужно ли им «новое мышление?» по-прежнему сохранит актуальность. Едва ли в Вашингтоне возникнет желание говорить с кем-либо на равных. Единственный фактор, который может заставить США изменить их позицию, это постепенная потеря управляемости мировой системой. Шанс для «нового мышления» может возникнуть, если в Вашингтоне придут к выводу, что необходимый минимум управляемости возможно обеспечить лишь при условии более или менее равноправного подключения других акторов мировой политики к решению этой проблемы.

Но тезис о том, что запрос на возвращение «нового мышления» должен возникнуть в первую очередь в Вашингтоне, нашел поддержку не у всех участников «круглого стола». Так, согласно другой точке зрения, нельзя недооценивать попытки начать мыслить по-новому, которые предприняла администрация Обамы в мировой политике. Это касается, в том числе и России, в отношении с которой была инициирована политика «перезагрузки», а также Ближнего Востока, где после событий «арабской весны» США отказались от ставки на одностороннее применение военной силы и постарались начать договариваться с различными участниками политического процесса в этом регионе. Но стремление Обамы мыслить по-новому привело к увеличению количества конфликтов на Ближнем Востоке, усилению их интенсивности, и в результате к нарастанию хаоса и потере управляемости в регионе. Ухудшились и отношения США со своими традиционными союзниками на Ближнем Востоке – Израилем и Саудовской Аравией. Во многом это произошло потому, что отказ США от односторонней политики силы в регионе был воспринят как проявление их слабости. Кстати, такая ситуация очень напоминает реакцию некоторых сил в мире более четверти века назад на новую международную политику М.С. Горбачева. Все это подводит сторонников данной точки зрения к выводу,

что запрос на «новое мышление» в современных условиях должен исходить не только из Вашингтона. Это касается и других государств, имеющих влияние на мировую политику. Только в этом случае можно будет предотвратить хаотизацию международных отношений. Но в тех регионах мира, как на Ближнем Востоке, где существуют затяжные вооруженные конфликты, а стремление договариваться воспринимается лишь как признак слабости, политика США нуждается в сохранении, пусть и в ограниченных масштабах, и силовой компоненты.

Но, если с точки зрения проблем безопасности, сегодня в какой-то мере можно говорить о вызревании условий для возвращения «нового мышления», поскольку снова стала формироваться угроза всеобщей опасности, то по другим основаниям этого не наблюдается.

Возникновение «нового мышления» как феномена политической мысли было связано с попыткой глубокого изменения макрополитической идентичности советского общества, которая делала его более открытым к диалогу с Западом. Речь шла об основании этой идентичности, определяющей ее отношение к значимому «другому», которое представлял Запад. В рамках доктрины «нового мышления» были сформулированы, по крайней мере, два принципиально новых положения, которые привели к ревизии идеологических основ советской внешней политики.

Первое положение заключалось в приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми. Это означало не только отказ от политики силового противостояния Востока и Запада, который обуславливался необходимостью защиты классовых интересов, но и возможность создания международного порядка, основанного на общих ценностях. Иными словами, эта идея предполагала, что у коммунистического Востока и капиталистического Запада могут быть общие ценности. Концепция общечеловеческих ценностей подрывала идеологию, на которую опиралась советская система. Согласно этой идеологии общественный строй, существовавший в Со-

ветском Союзе, был особым и исключительным и обладал моральным превосходством над капиталистическим Западом.

В соответствии с этим новым видением, Советский Союз и Запад рассматривались не как количественно различные, а как качественно различные, но взаимодополняемые субстанции. Годы коммунистического эксперимента отдалили СССР от Запада и тем самым, обусловили эту разнородность. Однако следствием сближения, последовавшего в период перестройки, стало достаточно пессимистическое отношение к отечественному опыту и культуре. Это во многом и предопределило слабость постсоветского либерализма, который стал восприниматься в России как чужой, привнесенный извне.

Второе положение, лежавшее в основе «нового мышления», заключалось в идее о деидеологизации внешней политики, которая на практике произошла постепенно, но в конечном итоге привела к размыванию понятия идеологического противника. В соответствии с новыми представлениями, отныне все государства вне зависимости от существовавшего в них социально-экономического строя оказывались в равной позиции. Именно это, по-видимому, сделало возможным признание за народом принципа свободы выбора модели социально-экономического и политического развития. Советский Союз тем самым снимал с себя ответственность за судьбы коммунистических режимов в странах Варшавского договора.

Появление «нового мышления» действительно открывало путь к взаимопониманию между странами, к урегулированию конфликтов, которые ранее казались неразрешимыми. Но, с точки зрения конструирования новой идентичности возникали новые проблемы. Размывалась основа прежней идентичности, на которой сформировалось осознание собственной исключительности. Но взамен этого ничего не предлагалось.

На Западе в то время Советский Союз также воспринимался как особое государство, имевшее свой собственный духовный и культурно-образовательный облик. В этом отношении он также представлялся как

другой, но равный. И в этом смысле эволюция в сторону признания одинаковости, которую инициировал переход к «новому мышлению», размывавшая это «иное», как бы подрывала концепцию равного партнерства. Советский Союз становился похожим на Запад. В итоге в качестве проекта новой идентичности «новое мышление» потерпело неудачу.

Идея перестройки декларировала отказ от политики силы и переход к сотрудничеству с мировым сообществом. СССР предполагал стать членом этого сообщества, быть не против Запада, а вместе с ним. В плане нового мышления рациональной была также идея создания общеевропейского дома, открывавшая перспективу интеграции СССР в мировую экономику, и она была осуществима.

Но изменения в политике СССР предопределили падение правящих режимов в социалистических странах и ликвидацию СЭВ и Варшавского договора. И последующее развитие Восточной Европы пошло по такому пути, что о «новом мышлении» вспоминают там не так часто, зато Россию часто превращают во враждебное «другое», страну, ответственную за черную полосу коммунистической эпохи.

«Новое мышление» по своей сути было мессианским, Советский Союз выступал как мессия, который предлагал всему миру новую конструкцию его бытия. По сути это был последний мессианский проект Советского Союза. И он оказался успешным, если рассматривать его сквозь призму итогов «холодной войны». Вопреки широко распространенному мнению, отметили участники «круглого стола», СССР завершил «холодную войну» на почетных равных условиях с США. Американцы также были вынуждены пойти на серьезные уступки в области сокращения вооружений, Советский Союз высвободил огромные ресурсы для осуществления внутренних социальных и экономических преобразований. Но дальше произошло событие, коренным образом изменившее всю структуру миропорядка. СССР распался в силу внутренних причин, обусловленных сложностью перехода от сверхжесткой системы к гибкой и плюралистичной

общественно-экономической модели. И тогда стало очевидно, что «новое мышление» до конца не было принято и понято Западом, который отождествил распад Советского Союза со своей победой в «холодной войне» и перешел к политике доминирования в международных отношениях. И это был упущенный шанс для мира. И упущен он был во многом по вине Запада.

После распада Советского Союза перед западными странами встали две альтернативы в отношении дальнейших изменений миропорядка: попытаться либо построить мировое сообщество на новых либеральных принципах и попытаться интегрировать в него Россию и другие постсоветские государства, или же «минимизировать риски», а именно, оставить новые независимые страны наедине со своими внутренними проблемами. Первая альтернатива требовала колоссальных затрат, реализации масштабных подходов и проектов. Вторая ограничивалась вопросами оказания помощи, контролем над нераспространением оружия массового поражения, и усилиями по предотвращению гражданских войн на постсоветском пространстве. Запад выбрал второй, гораздо менее затратный вариант, который затем обернулся многими негативными последствиями, как для самого Запада, так и остального мира.

С учетом того, какими способами осуществлялось доминирование США в 90-е годы, в том числе в бывшей Югославии, как происходило расширение НАТО в тот период и в начале 00-х годов, надо иметь в виду психологические последствия этих действий, которые оказали сильное влияние на сознание правящих кругов в России. Возникла обида, ощущение несправедливости, которое было порождено расхождением между несбывшимися надеждами и практикой. И нужен был лишь важный повод, чтобы эти настроения трансформировались бы в практическую политику. Им и стали события на Украине.

В то же время некоторыми участниками «круглого стола» было высказано мнение, что нельзя утверждать, будто «новое мышление» прекра-

тилось после того, как перестройка была прервана. Согласно этой точке зрения, «новое мышление» никуда не исчезало, оно эволюционировало и распалось на разные ветви, течения, элементы, между которыми в современном мире нет коммуникации. Элементы «нового мышления» в том виде, как оно было сформулировано М.С.Горбачевым, активно применялись в период Б.Н.Ельцина, а также в первые два срока президентства В.В.Путина. Курс на развитие партнерских отношений с Западом в это время продолжался, в том числе и линия на сокращение стратегических вооружений.

И, тем не менее, что даже при таком подходе немало вопросов оставляет ситуация, возникшая в российско-американских отношениях в годы президентства Барака Обамы, который воспринял некоторые принципы «нового мышления». В годы его президентства был заключен крайне выгодный для России Договор СНВ-3, прекращено расширение НАТО, проект американской ПРО реконструирован также в выгодном для России формате. Москву пригласили в качестве равноправного партнера к переговорам по иранской ядерной программе. Казалось бы, это очень благоприятный момент для поворота к новой политике в международных отношениях. Но именно в этом контексте и именно с этим партнером происходит полное обрушение российско-американских отношений и наступает коллапс доверия. Судя по всему, важнейшей причиной происшедшего стало копившееся задолго до этого негативное отношение к Америке, раздражение ее политикой.

Нынешняя ситуация в мире с характерной тенденцией к хаотизации международных отношений, потерей управляемости ими, наряду с очевидной невозможностью решать сложнейшие проблемы военным путем, объективно способствует появлению условий, формирующих запрос на новую политику. Однако для «второго издания» «нового мышления» требуется вызревание сразу нескольких факторов.

Как показал опыт событий конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века, для перехода к новой политике важнейшим является субъективный фактор – появление мировых лидеров, которых поддержали бы правящие круги ведущих стран, готовых на осуществление глубокого изменения существующего миропорядка. Чтобы стать инициаторами «нового мышления», им потребуются целеполагание, создание нового образа желаемого будущего, способность к выработке долгосрочных концепций развития и политическая воля, а также умение разработать механизмы адаптации идей, которые на момент их появления являются новыми и не совсем понятными населению, к историческим и социокультурным особенностям тех или иных стран. Несомненно, что среди этих идей снова востребованными окажутся принцип долгосрочного мира как основы для диалога между народами и их сближения на уровне ценностей, концепт «мирового сообщества», объединяющий разные страны общностью интересов.

Для того, чтобы «новое мышление» стало возможным в будущем, очень важно сохранить те договоренности и сотрудничество в отношениях России и США, России и Запада в целом, которые были достигнуты в предшествующий период и которые могут стать жертвой нынешней конфронтации. Речь идет о таких сферах взаимодействия как Договор с США по ракетам средней и малой дальности (РСМД), о различных программах сотрудничества в Арктике, которые сейчас свертываются, о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом.

Участники «круглого стола» констатировали, что науке пока не известны механизмы, каким образом идеи становятся значимыми для политики, превращаются в движущие силы политического процесса. В настоящее время можно лишь констатировать, что пока российское общество не заинтересовано в поисках новой идентичности, которая сблизила бы его с Западом, а, напротив, стремится позиционировать себя как силу, противоположную и противостоящую Западу.

Запрос на «новое мышление» в российском обществе может сформироваться при условии, если наступит усталость от нынешних настроений исключительности и агрессивности, они уступят место симпатии и открытости к остальному миру, и это не будет восприниматься как признак слабости. В массовом сознании должны произойти и другие изменения, – после паузы пробудиться интерес к теме будущего, сформироваться отказ от принципа контроля над территориями как самооценности, появиться устойчивое стремление людей снова стать участниками крупных исторических процессов.

Андрей Рябов